

«ФРАНЦУЗСКИЙ РОЗЛИВ»

Взрослая жизнь, такая долгожданная, хоть и оправдала надежды в целом, однако новая работа, отпуск по графику, прочие обстоятельства, препятствующие выезду в лагерь, лишили многих из нас возможности получить ту жизненную энергию, что дарил лагерь. Теперь-то вспоминались слова вожатых и кружководов:

- Нас с работы не отпускают! А мы в свой отпуск поедem в лагерь!

Пришло такое время и к нам.

С сыном вожатой Тамары Сашкой мы жили в одном подъезде – он на самом верхнем, а я на самом нижнем этаже. Частенько забегали друг к другу в гости, частенько выбирались за город на турслеты, на байдарках прокатиться, на Грушинский фестиваль рвануть. Был у нас эдакий мини туристический куст. Естественно, в основе лежала «Звездочка», поэтому и Димочка Толкачев зачастую присоединялся, оставив свой масложирок-комбинат. Зато вопрос с маркерами у нас не стоял – Димочка всегда таскал с собой пачку этикеток – «Маргарин особый», так что в подмосковном лесу мы безошибочно находили друг друга по столь отличительным отметкам.

- Ну что, Жень, а не рвануть ли нам в «Звездочку»? А то что-то под ложечкой посасывает – заходя в мою девятиметровку на первом этаже спросил Сашка, - «Лоси» в эти выходные что-то не идут, «Доктор Хайдер» куда-то запропал, «Леопольд»^{*} со своими цыпами с Первого часового завода тоже пасуют... (^{*} - название

туристических кустов и аватары некоторых около туристических лидеров).

У меня играл магнитофон. Акустические колонки С-90 выдавали положенные децибелы. Хрипатый голос Аркаши Северного рассуждал о вишнях в саду у дяди Вани, а потом вступила гармонь, лихо расплескивая игривые ноты не совсем приличных, и весьма откровенных частушек.

- Начинаем представление, начинаем песни петь! – неслось из колонок.

- А что слышно про «Звездочку»? Какие планы? – поинтересовался я, снимая цивильный костюм с галстуком и облачаясь в повседневную одежду, - Надо же как-то подготовиться!

- А что готовиться, поехали! На месте разберемся! У них вроде как «День здоровья» должен проходить! Можем эту темку и поднять! Да вот хоть на мотив твоих частушек! – рассуждал Сашка, тыкая пальцем от нечего делать в кнопки пишущей машинки «Ундервуд» и ухмыляясь от острого языка повествователя житейских ситуаций, - Ты кассету-то прихвати! Сами потешимся и народ повеселим!

- Ладно. Через сорок минут у подъезда! – сказал я, прикинув время на сборы.

А чего собираться? Шмотник* (рюкзак), гитара, спальник и примус с дежурным пайком – крупа, тушенка, суповой пакетик. Дополнительно конечно же гостинцы для вожатской публики в установленной для «пионерской тэматики» таре с надписью «Столичная».

Короче, через час мы уже вталкивались в двери можайской электрички.

Извечно переполненные вагоны пригородных поездов в пятницу вечером. Люди, возвращающиеся в область с работы. Дачники, груженные, как контрабандисты, словно в последний раз отправившиеся на

родимые шесть соток. Туристы, убегающие от благ цивилизации в мир дыма, песен и романтики. И вот еще ко всей этой разномастной публике примазались мы с Сашкой, разместившись в тамбуре.

Где-то за Одинцово народ стал рассасываться, и мы прошли в вагон.

- Давай что ли, забуддякаем сценарий на «День здоровья»? – сказал Сашка, переворачивая гитару струнами вниз, что бы было удобней писать на ровной поверхности, и доставая блокнот с ручкой, - Итак...

В душном вагоне атмосфера не располагала к творчеству. Мы что-то набалтывали на тему здоровья, чистки зубов, банного дня и горячей воды, но тема не хотела вот такого лобового вторжения и всячески уворачивалась, словно ящерка, застигнутая врасплох на горячем камне, из цепких пальцев юного любителя природы с повязкой «Зеленый патруль» на руке. И каждый раз, вроде бы нащупав интересную тему, мы оставались с хвостиком в руках, не сумев развить тему до нужного формата.

За Голицыно дышать стало легче. Стало значительно просторнее. Исчезли нервозность и суета большого города и его населения. За окном потянулись поля с колосющимся хлебом. Пейзаж все чаще ограничивался лесом, пока тот не стал единственной картинкой за окном.

- Да ладно, Сань, не пыжься! Возьмем известную песенку, переделаем слова и вперед! – подбадривал я товарища, - Хочешь «Тили-тили, трали-вали...» или какую другую.

Но все же муза снизошла до наших молитв где то в районе платформы Тучково, и тексты сами посыпались мелким почерком по листочкам в клеточку, словно на небе открылись створки, и через них на нас снизошло благословение.

Бодрый шаг через поля до лагеря уже был потрачен на заучивание нетленных шедевров, так что на подходе к лагерю, мы были готовы выступать хоть прямо с марша.

На мостике через речку Капаньку встретились женщины с хоздвора.

- О, артисты вернулись! Небось, чего-нибудь опять удумали? А то без вас как-то скучно! – услышали мы в свой адрес.

- Да уж, отчубучим, что Бог послал! – отшутились мы, улыбаясь так, что все тридцать два положенных зуба были представлены на обозрение как в кабинете стоматолога.

Горячее дыхание раскрасневшихся от бодрого шага жеребцов, животная сила и позитив, следующие за нами шлейфом, ...

Старшего вожатого мы нашли у клуба, контролирующего развод отрядов после фильма по корпусам.

- Что, заскучали в Москве? А нам вы как раз кстати – завтра «День здоровья» надо провести, - сказал он задумчиво, словно про давно запланированную, но до сих пор невыполненную работу. И забыть про нее нельзя, и делать не хочется.

- Вот и славно! А мы тут кое-что на эту тему придумали – с песнями, с плясками! – ответили мы, словно двое из ларца, улыбаясь во все лицо.

- Ну, хорошо! Располагайтесь в клубе на сцене. Матрацы в гримерках, одеяла в первом отряде после похода сушатся. А завтра с утречка и займетесь! – и он пошагал своей размашистой походкой по ведомым только одному ему заботам.

Побросав вещи, мы привычно соорудили себе лежбище на сцене и, как водилось издавна, накрыли поляну, дабы забегающие на огонек вожатые не сочли нас дурно воспитанными невеждами, коим незнакомы законы гостеприимства.

- Во, Жень, смотри что я надыбал! – восторженно сказал Сашка, затаскивая магнитофон на сцену и подключая его в электрическую розетку, - Давай свою кассету, самое время оттянуться!

Он, не раздумывая, сам залез в рюкзак и вытащил оттуда бобину с магнитофонной пленкой.

Приладив ее на место, включил «Пуск» и начал вертеть ручками звука и тембра, подбирая лучшее звучание для трескучего и потертого трека.

Я же раскладывал колбаску, сырок, резал овощи и ломал лепешку армянского лаваша.

В пустом темном зале киноконцертного зала «Лесная тишина» вполне явственно и четко разнесся голос Юрия Никулина:

- Урожай у нас высокий, да болота тописты...

А дальше по тексту простым доступным языком шел каламбур на тему: «Но девушки краше, чем в Сормове нашем, ему никогда и нигде не найти».

Гармошка-хулиганка, аккомпанирующая исполнителю, зажигала пассажирами, мешая Гжель и Хохлому в один самобытный поток русского острого и простого языка, завораживая и увлекая за собой, заставляя невольно улыбаться неожиданным оборотам и коллизиям, отражающим каждодневную жизнь народа.

На сцене появился художник со словами:

- Джон, вы это, потише! У меня Дэнис только уснул.

А потом прислушался и добавил:

- Но это оказался мерин! Не доверяй ночному мраку! Хм, вот так вот, по самую подвздошную кость зацепил! Ну, потише, парни!

Не прошло и получаса, как в клуб начали собираться вожатые. Кто просто так, кто по привычке. Музычку убрали, что б не мешала, оставили фоном.

К нашему столу добавилась другая еда, другое питье. Уже и дежурный разговор за «пионерскую тему»

тику» стал набирать обороты, повышая эмоциональный накал.

В клуб вошли Ляля с Мартыном, известные в лагере проказники. Валерка, будучи руководителем фото-кружка, еще и прекрасно играл на баяне. Отметив «камушками» наше прибытие и закусив помидоркой, Валерий Петрович начал прислушиваться, а что это там за музычка играет.

- А сделайте музычку погромче! Не разберу, что там такое! – попросил он, и Сашка тут же крутанул ручку громкости.

В пустом гулком зале взвизгнула гармошка-хулиганка, пройдя по кнопочкам сверху вниз и обратно, и в ночную тишину ворвалось:

- Мимо тещино дома я без шуток не хожу...

- Ляля! – вскрикнул Валерка, - Да это ж «французский розлив», «французский мюзет» - это когда в симфоническом оркестре на первой партии два крепких кларнетиста сидят, вот это розлив! Незабываемое ощущение!

И он зачарованно уставился на магнитофон.

Быстро сориентировавшийся в ситуации Ляля вскочил на сцену.

- Тпру! Тормози! – сказал он Сашке, - Давай кассету, я ее сейчас на клубную акустику пущу - так будет лучше! Ты смотри, как вы Валерия Петровича в ступор ввели! Прямо околдовали!

Он забрал кассету и выскочил из клуба в радиорубку.

Несколько минут в клубных динамиках что-то щелкало, шипело, но звука так и не было.

- Ляля, ну скоро уже? – обращаясь к двум маленьким окошкам для демонстрации фильмов, выходившим в радиорубку, спросил Валерка, - Ну, дай послушать – вечно ты со своими идеями кайф ломаешь!

- Сейчас, сейчас, Валерий Петрович! – раздалось с той стороны окошек, - Подожди еще минуту!

Теплая летняя ночь, подсвеченная молодым месяцем и россыпью мерцающих звездочек, набирала свою силу. Пионеры уже давно утомились. Хоздвор досыпал последние часы перед утренней сменой на кухне. Вожатые тоже рассосались по корпусам и залегли на свои панцирные кровати. Лесные птицы еще не начали готовиться к рассвету. Только фигура Однорукого на футбольном поле белела в темноте, как гарант конституции, то есть лагерного распорядка. До подъема еще было далеко.

В этот момент колокольчик на пятом корпусе встретился и чихнул. Колокольчик у «чебурашек» проскрипел что-то непонятное. Колокольчик на центральной линейке, словно выплюнул накопившуюся за ночь влагу. А колокольчик на столовой коряво кашлянул.

И дальше, словно по команде все колокольчики, привыкшие передавать объявления в лагере с традиционным: «Повторяю!» - выдали в один момент во всю свою дурь: «Начинаем представление, начинаем песни петь!» А гармошка-хулиганка сдобрила все это уже известным нам «французским мюзетом».

- Ляля, туши, туши скорее! - закричали присутствующие на сцене и выскочили из клуба.

Над пионерским лагерем висел «французский розлив», серебрясь в лунном свете и реверберируя на верхушках елок. Наползающий утренний туман несколько приглушил обертона и высокую часть регистра, но задорная мелодия с откровенными частушками разносилась на всю ширь наступающего утра.

Внезапно все стихло, и только по зеленым шишкам на верхушках елей как проказницы-белки продолжали прыгать обрывки фраз: «...еть, ...еть, ...еть!» - докучая побледневшей статуе Однорукого.

- Ляля, ты что офонарел? На весь лагерь по трансляции запустил! – сокрушался старший вожатый.

- А я что? – включив «дурака», отбrehивался вернувшийся из радиорубки Ляля, - Сказали включить, я и включил! Я что – радист? Как смог, так и включил! Там вон, сколько всяких переключателей, разве ж угадаешь?

На завтраке к старшему вожатому подошел начальник лагеря.

- А что там такое сегодня ночью по трансляции заиграло? Мартын что ли на гармозе резвился? Лихо завернул, надо сказать! – лукаво улыбаясь, произнес начальник.

- Вы тоже слышали? – придвинувшись к нему ближе, спросил старший вожатый, - А радист говорит, что после демонстрации фильма кинобудку закрыл и ни кто в нее попасть не мог. Да и мы вчера посиделок не устраивали!

- Ляля! – поймал проходящего мимо кружковод начальник, - Скажешь не ваши с Мартыном ночные проказы?

- Какие? – сложил брови домиком тот, - Да нас и в лагере не было! Мы в Щербаковец ходили. Вернулись лишь под утро.

- Ладно, нелегалы-подпольщики! Старших обманывать не хорошо! А кассетку мне перепишите! Не затягивайте! – не допуская возражений, закончил прения начальник, - Всякое может случиться! Вот вчера мне кружковод «Умелые руки» коня из дерева показал, пионер вырезал, так – просто загляденье, - а сегодня его своровали! А конь-то хорош! Ну, просто, как в песне: «Мое детство, красный конь»!

- Полно Вам, Сергей Семенович! Он же из липы, то есть светлого тона, а не красный! – вставил Ляля, на

правах кружководы авиааракетного кружка, человека, имеющего непосредственный контакт с древесиной.

- А это, как посмотреть! – сказал начальник и пошел по своим делам.

- Нашел, нашел! – кричал долговязый пионер, держа в вытянутой руке фигурку деревянного коня, - Она его хотела спрятать, а я не дал! Так она его в туалет выбросила, а я достал!

Другими словами, девочка из младшего отряда, плененная красотой деревянного шедевра, решила с ним поиграть. Озабоченной пропажей автор скульптуры, новоявленный Клодт, бросился на поиски и нашел похитительницу. Той, перепуганной насмерть, ни чего не оставалось, как забежать в женский туалет и избавиться от обжигающей руки улики. Автор смело бросился спасать свое творенье и извлек его из самых недр отхожего места.

Присутствующие в кружке пионеры вежливо отстранились от предоставленного шедевра, с которого еще не до конца были убраны последствия надругательства.

- А можно мне немного наждачной бумаги? – спросил он, обращаясь к кружководу.

- Конечно можно! – беря его под руку и вежливо выводя на лавочки перед Дворцом Технического Творчества, ответил кружковод, - Смотри, тебе теперь даже морилка не потребуется – какой он цвет приобрел! Ну, просто Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, картина «Купание красного коня».

Усадив долговязого за стол на улице, кружковод принес наждачную бумагу и оценивающе произнес:

- Нет, все же морилочкой придется пройтись! Хотя бы в целях окончательной дезинфекции! – а про себя подумал:

- И откуда начальник про красного коня мог догадаться?

Подошедшие Мартын и Ляля, глядя на творение начинающего Бенвенуто Челлини, оценивающе посмотрели на ваяние.

- А ведь тоже, своего рода «французский розлив» - сказал Мартын.

- Ну да, высший пилотаж! – добавил Ляля.

«День здоровья» мы отыграли на одном дыхании. Все прошло, как обещали – с песнями, танцами, розыгрышами и массовым восхвалением Айболита, то есть врача лагеря Пилюлькина.

Вообще, время в пионерском лагере летит стремительно, так что мы не успели оглянуться, как подошло время возвращаться в Москву.

Собрав вещички и попрощавшись с народом, мы с Сашкой двинулись на выход по центральной аллее.

- Ребята, подождите нас, мы с вами! – кричала девчушка, торопившаяся вместе с подружкой.

Господи! Да это ж младшая сестренка моего товарища. Мы ее еще в детском саду навещали. А теперь выросла – красавица! Звали ее Маринка.

Статная, с хорошей осанкой, она глядела глазами с распахнутыми ресницами, словно говоря: «Мир, я люблю тебя!» Дефицита внимания к ней со стороны молодых людей не ощущалось, но для нас, перешагнувших четверть вековой рубеж, она была всего лишь девочкой, ребенком. Ее подружка Алла видимо была того же возраста. Обе они как мотыльки порхали над дорогой, молодые, свежие, легкие. Что ж, дорога в компании веселее.

- А вы тут, откуда? – спросили мы девчушек, приближающихся к центральным воротам, - Побег из лагеря на глазах вожатых? Еще и нас в сообщники записываете?

Улыбаясь, мы взяли их вещи и двинулись вдоль забора на выход, через мостик, через речку Капаньку, по гравийной дороге мимо лагеря «Дружба» в сторону Минской трассы, от которой и до станции Садовая было рукой подать.

Девчонки приехали на полдня проведать подружек, с которыми много лет ездили в один отряд, а теперь вот приближается взрослая жизнь, а дорожки разбегаются.

- Ой, мамочки! Я ногу подвернула! – вскрикнула та, которую звали Алла.

Ее старший братец, известная в лагере личность, был на слуху у вожатых еще со времен его пребывания в отряде «чебурашек», поскольку участвовал во всех безобразиях, даже виртуальных.

- Шахурин! – неслоь со всех концов лагеря, - Шахурина к вожатому! Опять Шахурин! Где этот Шахурин, наконец?

Короче, братец был нормальный сорванец, которого вожатые боялись оставить без присмотра, как колбу с гремучей смесью, а старшие пионеры сторонились, поскольку милый мальчик в руки не давался, а вот подложить «нежданчик» мог очень даже запросто! Вредина – считали его в лагере, но может быть, это и было началом признания его личности?

- Что стряслось? Покажи ногу! – скомандовал Сашка, остановившись и поставив рюкзак на пыльные кожистые листы подорожника.

Дело приобретало неприятный оборот. Лодыжка начала опухать, а ножка в пластмассово-резиновой туфельке болталась в разные стороны, без возможности быть зафиксированной хотя бы поперечным ремешком.

С Сашкой мы протоптали не мало дорог, троп и тропинок. Коронным номером было после выгруз-

ки с байдарками на перрон пропустить всех торопыг вперед, употребив время на подгонку снаряжения и крепеж тяжелых байд за спиной, а затем, выйдя на тропу, маршевым шагом обогнать их, пройдя под всеми парусами с бескомпромиссностью бронепоезда со строевой песней. В качестве песни использовалась популярная в лагере «Коричневая пуговка» на стихи Евгения Долматовского.

- Что, Санек, придется брать на загорбки! – закончив осмотр, огласил я приговор.

- Не, я лучше вещи понесу! – подбирая рюкзак, отозвался товарищ.

- Тогда я! Прошу вас, девушка, располагайтесь! – и я подставил колено, что бы было удобнее сеть мне на шею.

В общем, мотылек взлетел, шелестом широкой юбки обозначив свою готовность к передвижению.

- Запевай, Саш! – и мы взяли ногу.

С неукротимостью римских легионеров наши ноги отпечатывали следы на песчано-гравийном полотне дороги со скоростью сто двадцать ударов в минуту. Наши сердца стучали как клапана дизеля. Наши глотки голосили маршевую песню.

Подотставшая было Маринка пристроилась сзади и тоже старалась подпевать, благо песня была знакома. Это исправило положение. Вот так наш маленький отряд и добрался до Минской трассы.

- Привал! – сказал я и опустил девчонку на дорогу, - Сейчас перебежим трассу и снова в путь! Перейти сможешь?

- Наверное, - отозвалась та, заметно покрасневшись от езды на иномодце.

- Давай теперь я понесу, - предложил Сашка, когда мы оказались на другой стороне Минки, - А ты вещи возьмешь!

Я посмотрел на девчонку. Маленькая девочка с широко раскрытыми глазами. Совсем дитя. Я вспомнил ее – она была Наядой на празднике Нептуна. Ее волосы необыкновенной длины и густоты выделяли ее среди всех девчонок лагеря.

В ее зрачках пулеметной очередью чередовались точки и тире азбуки Морзе, но я был не в состоянии прочитывать это послание, поэтому сказал:

- Нет, Саш, коней на переправе не меняют. Я все довожу до конца. Хочешь, можешь Маринку взять на загорбки.

- Я согласна! – закричала от восторга Маринка.

- Сейчас!!! – отрезал Сашка.

Остаток пути мы пробежали на одном дыхании, с той лишь разницей, что песни были другие. Маринка их не знала, в чем собственно, и была основная загвоздка.

Рассевшись с комфортом в электричке на Москву, мы расчехлили гитару, что бы по привычке скоротать путь часовым концертом на публике. К тому же, были и свои зрители.

Только теперь мы поняли, как устали и как быстро прошли путь от лагеря до станции. Пальцы побежали по струнам, проверяя строй.

- Как всегда класс! – довольно резюмировал Сашка, оценивая скорость и драйв пройденного маршрута.

- «Французский розлив», он же «французский мюэт», он же высший пилотаж! – уточнил я.